

Давыдов Денис Владимирович

ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШЕГО ОБЛИКА КРЕСТЬЯН ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920-Е ГОДЫ

Выявлены изменения во внешнем облике крестьян, проживавших на территории Татарской республики (ТАССР) в 1920-е годы. Доказано, что эти изменения обуславливались влиянием различных факторов. Среди них: национально-культурные взаимоотношения, социально-экономические мероприятия Советского правительства, усиление миграционной подвижности крестьянства, укрепление позиций молодежи в культурной и общественной жизни деревни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 44-47. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 947(470.41)

Выявлены изменения во внешнем облике крестьян, проживавших на территории Татарской республики (ТАССР) в 1920-е годы. Доказано, что эти изменения обуславливались влиянием различных факторов. Среди них: национально-культурные взаимоотношения, социально-экономические мероприятия Советского правительства, усиление миграционной подвижности крестьянства, укрепление позиций молодежи в культурной и общественной жизни деревни.

Ключевые слова и фразы: ТАССР; крестьянство; традиционная культура; молодежь.

Денис Владимирович Давыдов, к.и.н., доцент
*Кафедра истории и связей с общественностью
Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева
davdv@mail.ru*

ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КРЕСТЬЯН ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920-Е ГОДЫ[©]

Внешний облик крестьянства на протяжении веков являлся выражением его социального статуса, национально-культурных особенностей, имущественного положения, уровня развития материальной и духовной культуры. Активизация социально-экономических отношений в конце XIX - начале XX вв. сопровождалась тенденциями к унификации внешнего вида селян, их постепенным приобщением к фабричной одежде и обуви и одновременным отходом от традиционных технологий их производства. Драматические события первых десятилетий XX века обусловили активизацию ряда экономических и социально-политических факторов, в разной степени повлиявших на данные процессы. Определенное влияние в начале 1920-х годов приобрела деятельность различных зарубежных благотворительных организаций. Распределение одежды и обуви, ставшее частью их деятельности в деревне, в некоторой степени способствовало дальнейшему изменению внешнего вида селян, особенно детей и молодежи. Однако в большей мере проявлялась тенденция к консервации традиционного быта. Небывалое сокращение объемов потребления промышленной продукции при разрыве хозяйственных и культурных связей с городом способствовало возвращению в обиход веретен и прялок. Особенно заметно это прослеживалось в местах проживания представителей национальных меньшинств, быт которых был слабо связан с культурным влиянием города. Так, к примеру, материалы доклада об обследовании партийной ячейки села Красный Барак Тигановской волости Спасского кантона указывали на массовое ношение местными крестьянами домотканой одежды. Женщины здесь всю зиму занимались ткачеством и прядением [13].

Пристальное внимание к изучению особенностей ношения одежды уделяли местные этнографы. Так, в частности, Н. И. Воробьев подчеркивал широкое распространение домотканой материи в крестьянских селах. По его мнению, «у крестьян... совершенно нет тяги к фабричным материям, каковая ярко заметна у татар» [5, с. 164]. Кроме того, ученый обращал внимание на довольно пестрый внешний вид одежды, которые шились преимущественно из цветных тканей. При этом на отделку одежды могли идти фабричные материи, а цельные костюмы из фабричных тканей он встречал очень редко, при этом даже нитки для вышивок изготавливались вручную [Там же, с. 12, 165]. Использование домотканых материй сохранялось в 1920-е годы не только среди крестьян, но и среди мордвы, чувашей, удмуртов и других народов. Одежда из фабричной ткани здесь носилась лишь по праздникам [10], причем данная тенденция обнаруживалась и в дальнейшие годы [8, с. 196].

Использование домотканой материи обуславливалось не только экономическими, но и социальными факторами, стремлением народов подчеркнуть свою национально-культурную самобытность. Примечательно, что данное явление наблюдалось не только в глубинке, но и в центральных районах республики. Е. П. Бусыгин отмечал сохранение моды на традиционные костюмы в русских селах, расположенных неподалеку от Казани (Царицыно, Самосырово, Макаровка и др.). В этом, по мнению ученого, проявлялось «стихийное стремление крестьян сохранить старину, веками устоявшиеся традиции в покрое и ношении отдельных частей одежды против проникающих капиталистических влияний города» [1, с. 225].

Однако данное стремление оказывалось все менее осуществимым. Постепенное восстановление рыночных механизмов обуславливало дальнейшее вытеснение традиционной одежды и обуви. Все шире применялись фабричные ткани, заменявшие собой образцы ручного производства. Как отмечалось в литературе, уже к началу XX века «стилевая цельность» татарского костюма, его художественные особенности, восходившие к ранним культурным традициям, постепенно утрачивались [16, с. 257], распространилась мода на ношение женщинами фабричных шалей и платков.

Социальные трансформации 1920-х годов отразились на изменении традиционного покроя одежды различных половозрастных групп населения. Внешний вид селянина, отражая в себе бурные события революций и войн, все больше приобретал «военнизированные» черты. Традиции ношения военной униформы либо ее отдельных частей (гимнастерок, фуражек, сапог и т.д.) распространились на долгие годы, особенно в молодежной среде. Популяризации «военной» моды во многом способствовали и последствия промышленного кризиса, серьезно отразившиеся на состоянии текстильного производства.

В 1920-е годы наблюдался все больший разрыв во внешнем виде традиционного мужского и женского костюма. Активизация социально-экономических связей, усиление миграционных потоков в первую очередь коснулись внешнего вида мужчин. Чаще покидая родные места, мужчина в большей степени приобщался к культурным достижениям современной цивилизации и, соответственно, быстрее их воспринимал. Внешний облик мужского костюма, таким образом, все активнее приобретал интернациональные черты, в то время как в женском костюме прослеживалось более длительное сохранение элементов традиционного покроя. Так, например, даже в современных чувашских селениях свыше 20% сельских женщин старшего возраста до сих пор носят национальный костюм либо его отдельные элементы, в то время как мужской традиционный костюм практически не используется [12, с. 216].

Общее усиление миграционной подвижности крестьянства, увеличение масштабов отхожих промыслов способствовали дальнейшему обмену культурными традициями между населявшими республику народами. Участники комплексной экспедиции 1929 года, посетившие Мензелинский кантон, отмечали, что местные жители разных национальностей, за исключением русских, носили одежду татарского образца из домотканой материи. Мужчины ходили в красных (татары) и в коричневых (остальные народности) шароварах. Рубахи носили белые, это был основной костюм летом [10]. Во время проведения экспедиций в Тетюшский и Свияжский кантоны ее участники обращали внимание на то, что татары, занимавшиеся отхожими промыслами, носили русские костюмы и обувь [3, с. 110]. Данный факт может объясняться деятельностью большого количества бродячих портных, особенно активно работавших в татарских селах. Их заказчиками становились жители разных национальностей, проживавших в том числе и за пределами республики. Существование подобного ремесла в татарских селах отмечалось и до революции [7, с. 13]. Большое значение в дальнейшей унификации образцов одежды сыграло распространение в сельской местности швейных машин [11, с. 7]. Постепенно менялось отношение к домотканой материи. Уже в 1920-е годы такая материя у некоторых народов стала считаться показателем бедности, в частности у татар. В то же время она продолжала использоваться для изготовления скатертей, полотенец, прихваток и прочих предметов [4, с. 307, 326].

Внешний вид селянина в 1920-е годы отразил в себе постепенную трансформацию традиционного образа жизни, связанную с проведением антирелигиозной политики. В первую очередь это коснулось праздничных, ритуальных одежд. В сельскую местность все активнее проникали более упрощенные процедуры заключения брака, отвергающие прежние традиции. Новые веяния стали постепенно проникать и в самые отдаленные уголки республики. В частности, уже в начале 1920-х годов в поселениях крещеных марийцев стали практиковаться более упрощенные процедуры венчания и развода, что способствовало укреплению независимого положения молодежи [15]. Это обуславливало ношение городских платьев и костюмов в сочетании с фабричной обувью, нередко приобретенной молодыми людьми на собственные средства. Поэтому неудивительно, что в 1920-е годы прослеживалось достаточно активное исчезновение из обихода традиционных костюмов. Материалы отчета о работе женотдела Кистякской волости Арского кантона содержали любопытные сведения о том, что местные женщины-марийки, не желавшие носить на голове традиционный тюрик, желали бы издания соответствующего постановления. Опасаясь осмеяния со стороны жителей соседних селений, женщины посчитали, что подобное постановление освободило бы все женское население волости от ношения традиционного головного убора [14]. Во время своей поездки по ряду селений Свияжского и Тетюшского кантонов в 1927 году Н. И. Воробьев отмечал, что национальные мордовские наряды уже исчезают, хотя, по его словам, «старухи нередко завещают похоронить их в старинном костюме» [3, с. 111]. Пожилые люди, таким образом, продолжали ходить в домотканых одеждах, проявляя верность традициям, причем данное явление прослеживалось и в последующем [8, с. 196].

Несколько иная судьба была уготована повседневной одежде. Здесь домотканая материя продолжала быть популярной еще долгие годы. Во многом это могло быть связано с общим сокращением материального достатка крестьян, снижением их покупательной способности, что наиболее отчетливо проявилось в годы проведения коллективизации. Судя по замечанию Е. П. Бусыгина, одежда из домотканых материалов стала выходить из употребления в русских селениях лишь к началу 1950-х годов [1, с. 3]. Аналогичные выводы были сделаны по материалам наблюдений за бытом чувашских деревень. Здесь домотканая одежда и самодельная обувь также исчезла из употребления приблизительно в это же время [8, с. 199].

Изменения в технике производства одежды не смогли обойти стороной и сферу производства обуви. Самыми распространенными материалами для ее изготовления оставались кожа, шерсть, холст и лыко. В грязное время носили лыковые галоши на деревянной подошве. Праздничной обувью с начала XX века считались резиновые калоши, надеваемые на чулок [12, с. 216]. Основным типом обуви в 1920-е годы оставались лапти. Плетение лаптей оставалось довольно распространенным промыслом в сельской местности. В ряде волостей Мензелинского кантона отмечались несколько центров этого ремесла, которым занимались все - мужчины, женщины и дети. Отмечалось, что «плетение лаптей в деревне дело обыкновенное, знакомое почти каждой семье там, где имеется лыко» [11, с. 13]. Сапоги, ботинки или туфли носили в более зажиточных семьях, причем русские сапоги приобретали большую популярность, в том числе среди татар [4, с. 352].

Традиционные татарские кожаные сапоги, декорированные узором - ичиги, свидетельство состоятельности и предмет гордости их владельцев, постепенно стали выходить из употребления. Упрощение декора в кожаной мозаике в начале XX века, объяснявшееся увеличением объемов производства [6, с. 11], по всей видимости, уже тогда могло свидетельствовать об определенном упадке данной отрасли [16, с. 259]. С другой стороны, в это время отмечалось массовое внедрение образцов европейской моды [6, с. 11], что также способствовало отходу от продукции кустарных промыслов. События революций и войн значительно

усилили упадок в производстве ичихов. Все чаще этот промысел оказывался в руках женщин и детей, членов семей мобилизованных на фронт кустарей. Условия голода и разрухи крестьянских хозяйств начала 1920-х годов, усиление миграции в города, а также преследование зажиточных слоев деревни привели к дальнейшему сокращению масштабов производства ичихов. Чтобы избежать разорения, большая часть мастеров перешла на выполнение заказов казанских торговых фирм: условия нэпа позволяли им оставаться на плаву. Однако основной потребитель продукции - состоятельный селянин - все реже обращался с заказами. Как массовый промысел производство ичихов к концу 1920-х годов практически исчезло. В 1929 году в ТАССР удалось создать всего шесть кустарных артелей по производству ичихов, из них пять находилось в Казани. Единственная сельская артель располагалась в селе Мульма Арского района [Там же, с. 14]. Продукция кустарных артелей в основном предназначалась для выставок и в качестве экспортного товара в обмен на золото, необходимого для проведения индустриализации [Там же, с. 15].

Ту же судьбу разделило и кустарное производство валенок и сапог. Современники указывали на существование этих промыслов в крестьянских хозяйствах в конце 1920-х годов, подчеркивая, что они носили подсобный характер [11, с. 8-9]. Имея большой спрос на свою продукцию по сравнению с ичихами, кустари и здесь ощутили сокращение объемов производства. В итоге производство сапог, довольно трудоемкое, связанное с необходимостью обучения и определенными материальными затратами на сырье, также стало сокращаться. Что касалось производства валенок, то этот промысел также испытал негативные перемены. Так, в частности, не сохранились образцы узорчатых валенок XIX века, созданных кукморскими мастерами [16, с. 259-260].

Таким образом, в период 1920-х годов развитие «крестьянской моды» прошло сложный путь. Последствия Гражданской войны и голода начала 1920-х годов дали импульс к сохранению и в некоторых случаях к расширению объемов ткацкого, портняжного, сапожного ремесла, особенно в районах, изолированных от культурных центров. По мере восстановления хозяйства, расширения культурных контактов с городом, расширения ассортимента фабричной продукции стала проследиваться обратная тенденция: крестьянство, особенно зажиточное, все чаще отдавало предпочтение городской моде, желая подчеркнуть уровень своего материального достатка и социальной значимости. Намечался все больший разрыв между фабричным и традиционным народным костюмом, что некоторыми современниками расценивалось как первое проявление городской культуры в сельской среде [9, с. 19]. Наконец, к началу 1920-х годов вновь наметилась тенденция к упрощению внешнего вида сельских жителей.

Данный процесс определился действием различных по своему характеру факторов. Во-первых, развитие экономических и культурных контактов в определенной мере сглаживало различия во внешнем облике сельских и городских жителей разных национальностей. Свидетельство тому - сближение некоторых элементов одежды и обуви крестьян, населявших разные части республики. Особенно это касалось повседневных нарядов, отдельные элементы которых все активнее приобретали интернациональный характер. Во-вторых, свою роль сыграла возросшая роль молодежи в социально-экономической жизни. Все активнее облачаясь в современный костюм и реже обращая внимание на критику родителей, молодежь в наибольшей мере приобщалась к городской моде. В определенной степени этому способствовало усиление миграционной подвижности молодого поколения. Наконец, дальнейшему отходу от вековых традиций способствовал комплекс политических мероприятий, направленных на усиление репрессивных мер в отношении зажиточного крестьянства. Наличие в доме ткацкого станка, использование труда членов семьи для занятий промыслами в условиях осуществления «великого перелома» деревни стало расцениваться как проявление эксплуататорского характера хозяйства. По воспоминаниям старожилов, во время осуществления коллективизации и раскулачивания проводилось уничтожение ткацких станков [2, с. 41]. Все это способствовало значительному сокращению, а порой и утрате традиционных технологий производства одежды и обуви.

Список литературы

1. Бусьгин Е. П. Материальная культура русского (сельского) населения Татарской АССР: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1950.
2. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Декоративное искусство Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 191 с.
3. Воробьев Н. Отчет о поездке с этнографической целью в Свяжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник научного общества татароведения. 1928. № 8.
4. Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар: опыт этнографического исследования. Казань: Госиздат, 1930. 464 с.
5. Воробьев Н. И. Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР // Вестник научного общества татароведения. 1927. № 7.
6. Гулова Ф. Татарская национальная обувь: искусство кожаной мозаики. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 72 с.
7. Знаменский П. Казанские татары. Казань, 1910. 67 с.
8. Иванов Л. А. О некоторых современных социально-этнических и культурно-бытовых процессах на селе // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Чебоксары, 1972. Вып. 2.
9. Кузнецов А. Чем живет молодая деревня // Очерки быта деревенской молодежи. М., 1924.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.
11. Победоносцев И. Ф. Мелкая промышленность Мензелинского кантона // Труды Общества изучения Татарстана. 1930. Т. 2.
12. Хабибуллин А. А. Народы Среднего Поволжья и Приуралья: история и культура. Казань, 2008. 340 с.
13. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 2. Д. 316. Л. 119.
14. Там же. Ф. 654. Оп. 1. Д. 35. Л. 11.
15. Там же. Ф. 5600. Оп. 1. Д. 216. Л. 8.
16. Червонная С. М. Искусство Татарии. М., 1987. 352 с.

CHANGES OF PEASANTS' APPEARANCE IN THE TATAR REPUBLIC IN THE 1920S

Denis Vladimirovich Davydov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Public Relations
Kazan' State Technical University named after A. N. Tupolev
davdv@mail.ru

The changes of the appearance of peasants who lived within the territory of the Tatar Republic (Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic) in the 1920s are revealed. It is proved that these changes were conditioned by different factors influence such as national-cultural relationships, social-economic activity of Soviet government, the intensification of peasantry migratory mobility, strengthening of youth positions in cultural and public countryside life.

Key words and phrases: Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic; peasantry; traditional culture; youth.

УДК 34

Данная статья посвящена вопросам профилактики убийства матерью новорожденного ребенка. Уделяется внимание социальным, демографическим, психологическим причинам совершения данного вида преступления. Наиболее приоритетным направлением борьбы с убийствами новорожденных детей является предупреждение. Все меры по борьбе с преступлениями данной категории автор делит на общие и специальные. Для искоренения данного вида преступления предлагается проводить профилактику на различных уровнях: федеральном, региональном, муниципальном и индивидуальном.

Ключевые слова и фразы: ст. 106 УК РФ; психологические факторы преступления; социально-экономические факторы преступления; профилактика преступлений; преступления против детей; право на жизнь; уголовное законодательство; гуманность; убийство; новорожденный; группа риска; программы поддержки молодых семей.

Наталья Александровна Дашкевич

Кафедра государственно-правовых дисциплин
Сибирская академия права, экономики и управления
Nataliyadashkevich@yandex.ru

**ПРОФИЛАКТИКА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[®]**

Согласно Конституции РФ [6, ст. 445] право каждого человека на жизнь гарантируется в равном объеме независимо от возраста, пола, расы и других обстоятельств. В международном законодательстве отдельно подчеркивается самостоятельная ценность личности ребенка, который признается равноценным членом общества, обладающим от рождения комплексом естественных прав. Российская Федерация после 15 сентября 1990 г. является участником Конвенции ООН о правах ребенка, согласно которой ребенок рассматривается как самостоятельная личность, наделенная соответствующими правами, способная в определенной мере к их самостоятельному осуществлению и защите. В соответствии с требованиями Конвенции в Российской Федерации государственные мероприятия по защите прав ребенка осуществляются, как правило, на основе специальных нормативно-правовых актов.

Однако следует отметить, что уголовное законодательство, важнейшей целью которого признана охрана интересов личности, остается несовершеннолетним, что не способствует повышению безопасности жизни ребенка. В первые минуты жизни ребенок наиболее зависим от внешних факторов и, прежде всего, от психофизического состояния матери. Поэтому очень важно, чтобы роженица (родильница) понимала и осознавала всю ответственность, которая возлагается на нее во время и после родов. Однако, как показывает судебная практика [8, с. 43], многие женщины идут на убийство своего ребенка сознательно, пользуясь незащищенностью и беззащитностью новорожденного.

Конечно, эта проблема не нова и существовала в России всегда. Однако сегодня на фоне демографического кризиса в стране она стоит особенно остро. Проводя экскурс в историю российского уголовного права, следует отметить, что вплоть до принятия УК РФ 1996 г. этот вид убийства не был предусмотрен. Но, учитывая распространенность данного крайне негативного явления и специфические обстоятельства его совершения (психическое и физическое состояние виновной, другие обстоятельства), законодатель счет необходимым закрепить его в качестве самостоятельной уголовно-правовой нормы, определив ее объектом общественные отношения, сложившиеся в сфере охраны жизни новорожденного и живорожденного младенца [7, с. 38].

За последние двенадцать лет отмечается значительный рост числа убийств рассматриваемой категории [13, с. 45]. Это свидетельствует о недостаточности принимаемых по их предупреждению мер и необходимости более глубокого исследования проблем борьбы с данными преступлениями.